

Я. И. Гишинский¹

КРИМИНАЛЬНОЕ ЛИЦО СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Идеальный капитализм невозможен так же, как и идеальный социализм, и ровно по той же причине — из-за несовершенства человеческой природы.

Г. Садулаев

Отечественный опыт свидетельствует, что безусловно прогрессивный переход от казарменного полуголодного социализма с постоянным дефицитом всего и вся к рыночной экономике принес не только изобилие товаров в магазинах, заполненные иномарками улицы, возможность путешествовать по всему миру и обучать детей в Оксфорде и Гарварде, но и значительные негативные последствия: беспрецедентный разрыв между богатым меньшинством и бедным большинством населения (что подтверждается динамикой экономических показателей — децильного коэффициента и индекса Джини); господство масскульта. Призыв «обогащайтесь!» и воцарившаяся мораль «все на продажу» привели к закономерному возрастанию девиантных проявлений — преступности, коррупции, алкоголизации и наркотизации населения, торговли людьми, суицида.

Неудивительно, что все чаще приходится сталкиваться с разумным неприятием капитализма. Криминологи давно говорят о капиталистических общественных отношениях как источнике преступности. Об этом писали и основатели «радикальной» («критической») криминологии — Я. Тэйлор, П. Уолтон, Дж. Янг². Позднее Я. Тэйлор продолжал изучать экономические и политические предпосылки преступности в современном мире «свободного рынка»³. Этой проблеме также посвящены многочисленные труды Н. Кристи⁴. В одной из своих работ он обращает внимание на «образ новой действительности, где участие в трудовой деятельности — привилегия, где работа становится статьёй дефицита... Теперь привилегия — это не свободное от работы время, а возможность найти применение своей жизни»⁵.

Немецкий представитель «критической криминологии» Ф. Зак, критикуя современный капиталистический мир с его индивидуализмом, бесперспективностью для «исключенных», не имеющих шансов присоединиться

к «резервной армии индустриального труда», пишет: «Примат экономики губителен для общества в целом и криминологии в частности... В обществе с приматом экономики не мораль, а деньги играют главенствующую роль в регулировании поведения... Чем больше социальная среда перерождается в экономическую, тем более она поражена преступностью»⁶.

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн полагает, что мир разделен на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения Земли⁷. В другой работе он приходит к убеждению, что *капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис*⁸.

Все основательнее вырисовываются два лица свободной экономики, свободных рыночных отношений. С одной стороны, это безусловный рост экономики; повышение уровня жизни и расширение возможностей «включенных» жителей развитых стран Европы и Северной Америки, Австралии и Юго-Восточной Азии; фантастическое развитие техники и новейших технологий. С другой — растущее социальное и экономическое неравенство; экономические преступления; формирование организованной преступности как криминального предпринимательства; все возрастающий удельный вес теневой («серой», «неформальной», «второй», «скрытой») экономики⁹; растущее недовольство большинства населения господствующим меньшинством и др.

Теневая экономика не может не вовлекать в свою орбиту политику. Происходит сращивание теневой экономики и теневой политики, образуется теневая реальность, невольными участниками (и жертвами) которой оказываются все граждане страны. «Развитие теневой экономики создает угрозу стабильности таких фундаментальных институтов, как государство, правовая

¹ Заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук. Автор свыше 500 научных публикаций, в т. ч.: «Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль», «Девиантология», «Глобализация, девиантность, социальный контроль», «По ту сторону запрета: взгляд криминолога», «Некоторые источники ксенофобии и национализма в современной России» и др.

² Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology : For a Social Theory of Deviance. L., 1973.

³ Taylor I. (Ed.) The Social Effects of Free Market Policies: An International Text. Harvester Wheatsheaf, 1990.

⁴ Кристи Н. Пределы наказания. М. : Прогресс, 1985; Кристи Н. Плотность общества. М., 2001; Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб., 2011.

⁵ Кристи Н. Плотность общества. М., 2001. С. 22–23.

⁶ Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право. 1999. № 1. С. 92–105.

⁷ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М. : Логос, 2003.

⁸ Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000. Vol. 15, № 3.

⁹ Бурова Н. В. Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб. : ГУЭИФ, 2006; Клямкин И. М., Тимофеев Л. Н. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М. : РГГУ, 2000; Латов Ю. В., Ковалев С. Н. Теневая экономика. М. : Норма, 2006; Теневая экономика–2007 / сост. Ю. В. Латов ; под общ. ред. Л. М. Тимофеева. М. : РГГУ, 2008; Тимофеев Л. М. Теневые экономические системы современной России: теория, анализ, модели. М. : РГГУ, 2008.

система, система общественной морали... В сфере вне-легальных экономических связей... возникает и укрепляется некое теневое паразитическое государство — со своими «законами», со своей иерархией власти, со своей системой безопасности»¹.

Отсюда коррупционные сети на высшем государственном уровне, управляемые суды, коррумпированные «правоохранительные» органы, политические убийства, выборы без выбора. Организованная преступность, как нелегальный бизнес, предпринимательство — *business enterprise*, давно приобрела международный характер (торговля наркотиками, оружием, людьми).

«Кущевский феномен» выявил новую российскую тенденцию организованной преступности: ее слияние с «правоохранительными» органами, властными структурами и бизнесом. В регионах России объединились в контроле за всем и вся преступные организации, полиция, прокуратура, суды, местные органы власти (Кущевская станица, Гусь-Хрустальный, Миасс, Энгельс, Березовск, «Общак» Хабаровского края, «Уралмаш» на Урале и др.).

В современной России криминальное слияние организованной преступности («бандитов»), «правоохранительных» органов — «силовиков» (включая милицию/полицию) и местных органов власти признается на самом высоком уровне. В послании президента России Д. Медведева Федеральному Собранию говорится: «За последнее время, к сожалению, произошел целый ряд трагических событий, в результате которых погибли, были убиты наши граждане. Их причинами являются, в том числе, и расхлябанность в деятельности правоохранительных и других властных органов, зачастую их прямое сращивание с криминалом»².

Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин пишет: «Увы, с каждым днем становится все очевиднее, что сращивание власти и криминала по модели, которую сейчас называют “кущевской”, — не уникально. Что то же самое (или нечто сходное) происходило и в других местах — в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске и так далее... Всем — и профессиональным экспертам, и рядовым гражданам — очевидно, что в этом случае наше государство превратится из криминализованного в криминальное»³.

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive/exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 1960-х как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между одними членами общества с растущим благосостоянием и «никому не нужными» другими⁴.

¹ Теневая экономика—2007. С. 12.

² Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию // Российская газета. 2010. № 5350. 1 дек. (Федер. вып.).

³ Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. 2010. № 5359. 10 дек. (Федер. вып.).

⁴ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II : (Современная французская социология : спец. вып.).

Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер *не индивидуальной неудачи*, непригодности некоторых индивидов («исключенных»), а *социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества*, затрагивая все большее количество людей⁵. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может в конечном счете породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности»⁶.

Процессы глобализации лишь обострили проблему устойчивого (более того, растущего) экономического и социального неравенства — как стран, так и различных страт, групп («классов») внутри них. Глобализация — объективный процесс, имеющий как позитивные, так и негативные последствия⁷. Процесс *inclusion/exclusion* приобретает глобальный характер.

Как пишет Р. Купер: «Страны современного мира можно разделить на две группы. Государства, входящие в одну из них, участвуют в мировой экономике и в результате имеют доступ к глобальному рынку капитала и передовым технологиям. К другой группе относятся те, кто, не присоединяясь к процессу глобализации, не только обрекают себя на отсталое существование в относительной бедности, но рискуют потерпеть абсолютный крах»⁸.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации рассматривается З. Бауманом. С его точки зрения, исключенные фактически оказываются «человеческими отходами (отбросами)» («*wasted life*»), не нужными современному обществу. В их число входят длительное время безработные, мигранты, беженцы и т. п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов»⁹. И в условиях глобализации, беспримерной поляризации на «суперкласс» и «человеческие отходы» последние становятся «отходами навсегда».

Главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения потребностей, а *степень различий* в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, познание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении. На это обращал внимание еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу

⁵ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. P.; Seuil, 1974.

⁶ Погам С. Указ. соч. С. 147.

⁷ Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006.

⁸ Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация // Россия и Запад в новом тысячелетии: между глобализацией и внутренней политикой. М., 2003. С. 30.

⁹ Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge : Polity Press, 2004. P. 5–7.

общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено»¹. Так что по-своему правы были последователи Маркса, возводя «железный занавес» вокруг нищего населения СССР.

Для тех, кто в современной России не очень доверяет К. Марксу, приведем аналогичное мнение Питирима Сорокина: «Бедность или благоденствие одного человека измеряется не тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами общества... Человек, увидев роскошные одежды и фешенебельные апартаменты, чувствует себя плохо одетым и бездомным, хотя с разумной точки зрения он одет

вполне прилично и имеет приличные жилищные условия»².

Социальная неудовлетворенность и попытки ее преодолеть, в том числе и незаконным путем, порождаются не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными — по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами. Поэтому в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности, наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств (М. Гернет, А. Podgórecki).

Один из докладов на XVI Мировом Конгрессе международного общества криминологов (Кобе, 5–9 августа 2011 г.) назывался: «Neo-Liberalism, Social Exclusion and Criminal Justice» («Неолиберализм, социальная эксклюзия и уголовная юстиция»). Кажется символической логика этого пути: от неолиберализма к массе исключенных и далее — к преступности и уголовной юстиции...

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 446.

² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 273.